

ИРИНА СОЛОВЬЕВА

В потоке творчества:

ПОЭТ...

Ирина Соловьёва
В потоке творчества:
поэт... Терентій Травнікъ
в статьях, письмах, дневниках
и диалогах современников

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26712917
ISBN 9785448581472*

Аннотация

Третья книга из серии «В потоке творчества: поэт» детально знакомит читателя с литературой Терентия Травника. Аналитические статьи независимых авторов расширяют, делая наиболее полным, представление о его поэзии: духовной, патриотической, детской и философской. Каждый читатель сможет постичь особенности поэтического слова Травника, отображающие в мельчайших деталях глубину и образность, пронзительность и мудрость мировосприятия автора, свойства его афористического мироощущения.

Содержание

«У меня одна присяга: Слову – верою служить...»	10
«Дерзайте на поступок и на слово...»	13
Редакционно-издательская студия «SVETEZ`Ъ»	29
Поэзия. В начале большого пути	40
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**В потоке
творчества: поэт...
Терентій Травнікъ
в статьях, письмах,
дневниках и диалогах
современников**

Ирина Соловьёва

© Ирина Соловьёва, 2017

ISBN 978-5-4485-8147-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Михайловна Соловьева

В ПОТОКЕ ТВОРЧЕСТВА:

ПОЭТ...

Терентій Травнік в статтях, письмах, дневниках
и диалогах современников

КНИГА ТРЕТЬЯ

***И Музыка, и Цвет, и Слово
Звучат аккордностью во мне!***

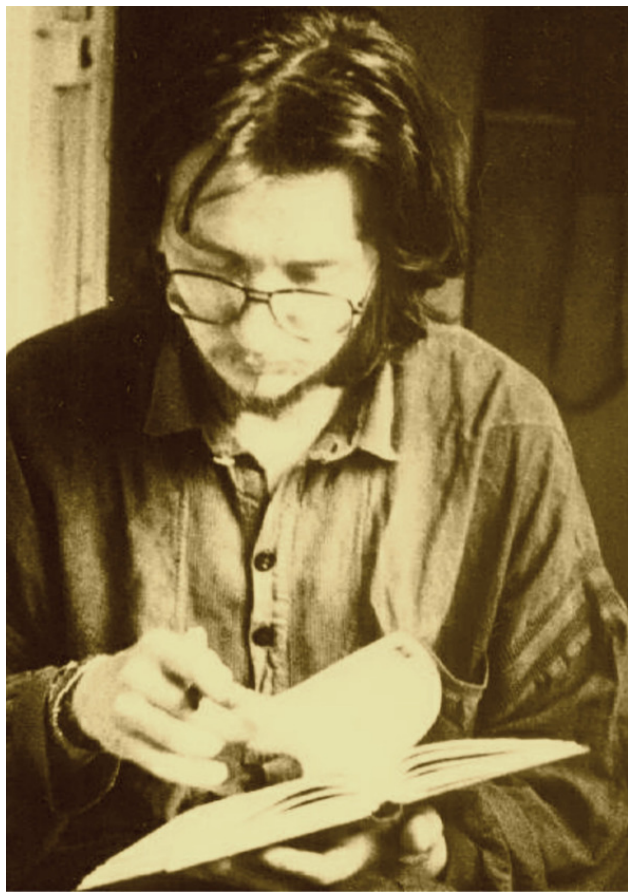
*Пусть говорят: оно не ново.
А мне – что Песня на войне!*

*Да та – из самого – до самых!..
Что пуля-дура обойдет,
Что режет на рубахи саван
И мертвых за душу берет*

*Встают они, как солнца с нею,
Как рожь от налива встает.
Все оттого, что свято верят
В нее. Она – не подведет!*

*А запоемся в нужном месте
Солдатиком, да в нужный час.
Есть на земле такая песня!
И в каждом есть она из нас!*

Терентій Травнікѣ

ПОЭТ...

КНИГА ТРЕТЬЯ

«У меня одна присяга: Слову – верою служить...»

*Когда спишемся мы,
Пусть за нас говорят наши книги.
Я пишу в них дыханием ваших судеб:*

*Между строчек вложил я
Все то, что должен увидеть
Не рожденный еще,
Но грядущий уже человек...*

Т. Травник. 2008 г.

Подобранные для этой книги статьи наиболее полно представляют разные виды литературного творчества Терентия Травника. Это и поэзия – духовная, патриотическая, детская; и публицистика, и философия, и афористическое творчество, благодаря которым перед читателем откроется во всем многообразии творческая одаренность Терентия в литературе и философии. Ценность этих статей, прежде всего в том, что они с фотографической точностью передают определенный срез жизни поэта и его современников, подчеркивая объективную картину написанного им.

Анализ поэзии представлен независимыми авторами, от-

ражая ее в динамике развития с выделением характеристик ее свойств в конкретном временном промежутке. Читатель откроет особенности поэтического слова Травника, отображающие в мельчайших деталях глубину, образность, пронзительность и мудрость его мировосприятия, выявит свойства его афористического мироощущения. Узнает некоторые биографические подробности, которые позволят лучше понять внутренний мир Травника – человека с высокими устремлениями, кипучей деятельностью, организаторскими способностями и умением из всего, с чем или с кем бы он ни соприкасался, создавать творческие начала и пути. Секрет такого успешного приношения обильных плодов заключается в том, что Терентий в каждом человеке видит творческую личность, а врожденный талант общения и умение открывать «ворота «нет» ключом «да», помогают ему достигать максимальных результатов в любой совместной деятельности.

Читатели познакомятся с именами друзей, сподвижников и единомышленников, с которыми поэт идет по жизни, создавая неповторимую ткань взаимораскрывающегося бытия. Литературные портреты современников Травника, Ясеневские вечера творческой молодежи 90-х, поэтические гастроли по России дополняют образ нашего современника и высветят некоторые значимые черты его индивидуальности.

Лучшей характеристикой литературной деятельности Терентия стали отзывы самих читателей, которые присылают

свои письма из разных уголков нашей необъятной Родины – России и других стран. С некоторыми из них можно будет познакомиться в конце книги.

Надеюсь, что каждому читателю будет интересно открыть истинные масштабы творчества, таланта и личности нашего современника, а также социальную значимость его литературных произведений.

Полная библиография Т. Травника на момент написания этой работы представлена в Приложении №1.

«Дерзайте на поступок и на слово...»

В мир большой литературы Терентия Травника ввела Валентина Григорьевна Ерофеева – выпускающий редактор газеты Правления Союза писателей России «День литературы» (Москва). С ее легкой руки Терентий издал свою первую тиражную книгу «О чем поведала печаль» в 2003 году. Позже, когда Терентий возглавил храмовую газету «Сад духовный», Валентина Григорьевна помогала ему и рекомендациями, и делом, оказывая неоценимую помощь в верстке.

Валентина Григорьевна Ерофеева. 2001 г.

Валентина Ерофеева – настоящий ангел-хранитель литературного творчества Терентия. Отрадно, что сотрудничество и многолетняя дружба газеты «День литературы» и редакционно-издательской студии «Свинец» длится по сей день, воплощая своей деятельностью идею о том, что «создавать книги, давать литературному слову форму удобную и красивую – благородная миссия во все времена...».

Биографическая справка:

Валентина Григорьевна Ерофеева – поэт, прозаик, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг родилась 18 февраля 1952 года в селе Благодарное Ташлинского района Оренбургской области. Окончила Оренбургский педагогический институт. Преподавала в школе, работала воспитателем в общежитии, вела на оренбургском радио авторскую передачу «Поэт, тетрадь»; работала пресс-секретарем в Главном управлении сельского хозяйства области. Первые публикации появились в оренбургской газете «Комсомольское племя» в 1971 году. Печатались в оренбургских областных газетах, в коллективных сборниках «Верность родному краю», «Вечный берег» (1994), «И дым Отечества», «И с песней молодость вернется», «Родительский день», альманахе «Гостиный Двор» (1995, №2), журналах «Брега Тавриды», «Москва» (1995, №2; 2002, №10; 2003, №10), в московских периодических изданиях,

альманахах «Поэзия», «День литературы». В 1999 году получила в городе Оренбурге Малую Аксаковскую премию на конкурсе в честь С.Т.Аксакова.

В настоящее время Валентина Григорьевна, несмотря на свою загруженность, как выпускающего редактора газеты, успешно продолжает свою литературную деятельность. Ее умение работать в разных жанрах вызывает искреннее уважение. Из-под пера Валентины Ерофеевой выходят талантливые работы: удивительная проза (роман «Горнее и долнее»), очень нежные, душевные стихи («Стирая грань меж счастьем и бедой») и объективные, мастерски написанные критические статьи («И нам сочувствие дается...»), обнажая богатство ее внутреннего мира – тонкую восприимчивость души в сочетании с умением мгновенно проникать в суть и твердо отстаивать свои позиции.

Леонид Тимошенко, Валентина Ерофеева, Владимир Бондаренко

Т. Травник «Из дневников поэта»:

«Вспоминаю, как я получал свою первую изданную книгу в 2003 году. По удивительному стечению обстоятельств, она вышла в Союзе писателей, благодаря любезно предоставленной мне помощи Валентины Григорьевны Ерофеевой и ее коллег.

Как-то раз, прогуливаясь в сквере Новодевичьего монастыря, мы беседовали о моей книге «О чем поведала печаль». Накануне я передал Валентине рукопись для ознакомления. К моему удивлению она неожиданно спросила:

«Почему бы тебе не издать ее?» Тогда ее вопрос произвел сильное впечатление на меня: мне вдруг показалось, что она предложила не издать книгу, а вступить в какую-то очень известную и солидную организацию, и ни много, ни мало – стать сразу ее генеральным...

Говоря о книге, замечу, что она была совсем небольшая, скорее не книга, а брошюра, а тут такое предложение – к изданию! Если откровенно, то я и не думал, что мои книги могут быть когда-нибудь изданы. Да и книгами я их тогда особо не воспринимал. Так – записи, заметки, дневники... Писал для себя, не показывал друзьям, если только по случаю, а тут сразу... издать! Не менее удивительно и то, что я тут же согласился и уточнил – что мне для этого необходимо сделать. Естественно нужны были деньги, а верстку и редактуру предложила взять на себя Валентина.

И вот, моя жизнь, пусть и ненадолго, но вмиг превратилась в настоящий оазис восторгов. Издание первой книги – это действительно событие, равных которому не так уж много бывает, разве что окончание вуза, первая любовь, ну и, пожалуй, женитьба. Оно, видимо, из тех, что по-особому переживается и многое меняет в тебе окончательно, безо всякой возможности что-либо вернуть или переиграть. Вот с такими радостями я и жил все время, пока рукопись готовили к выходу в свет.

Помню, как выходя из правления Союза писателей, что располагается в старинном особняке на Комсомольском про-

спекте, почти напротив храма Святителя Николая в Хамовниках, я краем глаза глянул на свое отражение в стекле массивной филенчатой двери. Не скажу точно, что именно я тогда прошептал, да еще и в протяжной манере кота Матроскина, но явно что-то близкое к «вот и писателем стал...».

Тогда я не мог и подумать, что эта первая официально изданная тонюсенькая книга, основательно перевернет всю мою последующую творческую жизнь, став судьбоносным компасом для моего, пока еще строящегося и не касавшегося воды, литературного фрегата, а ведь все именно так и случилось. Как-то незаметно корабль был закончен, спущен на воду, и книга в скором времени стала и картой, и штурвалом, и компасом – одним словом, навигатором в океане литературы, помогая не наткнуться на рифы писательского снобизма и поэтической отрешенности.

Деньги нашлись на редкость быстро. В то время я занимался психологией, давал консультации и имел, как я тогда ее называл, достаточно широкую «пациентуру», а по сему, набрать сумму, пусть и немалую, особого труда не составило. Более того, деньги были мне подарены моими хорошими знакомыми: Грантом Манасаряном и Артуром Межлумяном.

С Грантом мы встретились в конце недели в восточном ресторане, на Пушкинской площади, точнее на Страстном бульваре, напротив ГКЗ «Россия». Придя пораньше, я сел за столик у непомерно большого окна-витрины, откуда хо-

рошо просматривалась вся улица, и стал ждать. Минут через пять я увидел, как почти ко входу подкатил шикарный «Lexus» представительского класса, мягко притормозил, и из него вышел элегантный, всегда подчеркнуто аккуратно одетый Грант. Небрежно отжав сигнализацию и взглянув на себя в дверное зеркальце, бизнесмен неспешно направился ко входу.

Войдя, он сразу меня заметил и приветливо, я бы сказал, харизматично улыбнулся. Грант вообще умел хорошо улыбаться и делал это настолько мастерски, что всякий, общающийся с ним, сразу понимал, что все будет непременно хорошо, и что проблема, волнующая его, и вовсе не проблема, а так, пустячное дельце.

Его длинные ресницы, темно-карие, почти черные глаза и точеный, аккуратный нос создавали в нем ту общую милость, что в проведении любых деловых переговоров было в высшей степени незаменимым качеством. Может поэтому все дела этого замечательного бизнес-дуэта «Грант Манасарян и Артур Межлумян», чаще всего успешно решал именно Грант.

Помню, что при встрече я довольно детально рассказывал Гранту о содержании книги, но г-н Манасарян особо не вникал в суть моего проекта, а со свойственной ему деликатностью, всегда благодушной, сангвинической улыбкой и с филигранно выстроенным армянским акцентом прокомментировал: «Дарагой», ну о каких в долг можно говорить, «канэч-

но», бери так. Мы друзья, а все остальное неважно. Все «хара-ше», – протяжно-знающе завершил мой благоустроитель и протянул мне конверт с деньгами.

На следующий день я передал подправленную накануне рукопись Валентине и стал с нетерпением дожидаться результата. Надо сказать, что книга была издана быстро.

Слева: Грант Манасарян, Терентий Травник и Артур Межлумян

С доставкой мне помог мой друг – Сергей Гончар. Он был на машине и никогда мне не отказывал в подобных просьбах. Накануне я позвонил ему и попросил съездить со мною по делам. Обычно Сергей никогда не интересовался, куда и зачем я еду: надо – значит надо, подъезжал к дому в заранее запланированное время и вез туда, куда просили. Вот и в тот день он приехал ко мне домой, выпил свой традиционный

черный кофе с не менее традиционным горьким шоколадом. В тот раз это был Ritter, тот самый, о котором в телерекламе мужским голосом с немецким акцентом, так нравящимся моей маме, смачно говорится: «квадратишь, практишь, гут».

Промчавшись по улице Подольских курсантов до конца, мы повернули направо, выехали на Варшавку и двинулись в направлении центра, а точнее в сторону Комсомольского проспекта.

Попав на Садовое, Сергей все-таки не выдержал и поинтересовался: «А что у тебя там, в Союзе?» Честно сказать, я ждал этого вопроса с особым нетерпением. Ну, как же было не ждать человеку, можно сказать, начинающему писателю, да еще от близкого друга? Не трудно представить, что я испытывал в эти минуту.

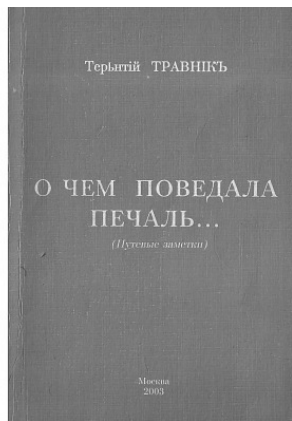
Но ответил я не сразу, выдержал, насколько мог, паузу, дав, как говорится, интриге вызреть. Поустроивался немножко, поерзав на переднем сидении, зачем-то поправил зеркало заднего вида и произнес, стараясь оставаться, как можно серьезнее и сохраняя соответствующее выражение на лице: «Вот, книгу написал, едем получать тираж...».

Сергей Гончар и Терентий Травник. Весна. 2003 г.

Исходя из многолетнего опыта нашей с Сергеем дружбы, дальнейшим условием подобных диалогов с Гончаром было следующее: произнося что-то важное, надо было при этом не посмотреть ему в глаза. При том, что он, самым несуразным образом, почти что сразу удивленно вылуплял на тебя свои глаза. Не иначе, как средним ухом почувствовав на себе его сверлящий взгляд, я, как ни в чем не бывало, продолжал изучать номер ехавшей впереди машины... поскольку поворот в сторону Сергея означал бы полный провал всей серьез-

ности мероприятия, и вот почему: встретившись взглядом, мы обязательно бы расхохотались, как обычно бывало в подобных ситуациях.

И все же, именно так оно и случилось. Любопытство пересилило, и я, не выдержав, взглянул на друга. Тут все и началось: на меня почти в упор восхищенно пялился человек с большим носом Депардье, глубоко посаженными, сверлящими глазами Гришки Распутина, с пухлым, джазовым ртом африканца и при этом, я бы сказал, как-то размашисто улыбался. Оценив «Фернанделя за рулем», я едва заметно улыбнулся в ответ и отвернулся. Пауза была недолгой, и через секунду мы оба прыснули смехом, а через пару – уже заливались им на всю машину. Трудно сказать, почему мы сме-

ялись, но так бывало всегда, когда дело касалось нашей значимости. Видимо так оно было и сейчас, но каждый смеялся немного о своем, правда в контексте происходящего. Мне казалось, что я понимал, о чем смеется Сергей, а тот, думаю, догадывался, о чем – я. Было очевидно, что причиной смеха стала моя, произнесенная со всей доступной мне серьезностью, фраза о моем писательском дебюте. Смех был добрым и веселым, какой по обыкновению случается только у настоящих друзей.

Здание Правления Союза писателей России. Комсомольский, д.13

Доехали быстро. Гончар притормозил и остановился слева от здания Союза писателей неподалеку от кафе, с соответ-

ствующим названием «Пегас», расположившимся в цокольном этаже здания. Выйдя из машины, я поспешил за книгами. Тираж был небольшим, и я быстро справился, перетаскив все пачки в машину. Открыв дверь, я уселся, но теперь уже на заднее сиденье, дабы еще в дороге распатронить одну из пачек и поскорее влезть в ее содержимое.

Мы тронулись, и вот, с трудом разорвав плотную упаковку, я наконец-то достал книгу. Прочитав название и не найдя в нем ни одной ошибки, я с довольным видом погладил обложку, зачем-то понюхал ее и закрыв глаза, впал в ту самую, задумчивую мечтательность, которая непременно нападает на всякого художника только что поставившего в уголке законченной картины дату и подпись. Ощущал я себя тогда никак ни меньше, как Львом Толстым, да еще и в стадии успешного роста. Не открывая глаз, я глубоко вздохнул и расслабился, предаваясь приятным ощущениям дороги, присутствия близкого друга, сидящего за рулем и мягко шелестящего шинами автомобиля. Над еще недавним волнением возобладал покой, пропитанный удовольствием от чувства выполненного долга.

На улице теплело на глазах, и от этого на душе было как-то по-писательски трогательно и выразительно. Мои грезы усиливались ароматом сигарет «Собрание», которые предпочитал Сергей. В салоне дорогого автомобиля с обволакивающими низами звучала любимая Гончаром песня Карлоса Сантаны «Magic woman». В общем, все было, как сказал бы

сейчас мой друг и учитель Миша Курганов, «в полном абжоре».

Мечтания прервал, неожиданно раздавшийся с переднего сидения голос Гончара: «Игоряш, есть хочешь? – и он протянул мне неизвестно откуда взявшийся, еще теплый, и довольно-таки увесистый чебурек. – Представляешь, в „Пега-се“ выбросили, и никого народу», – пояснил он, заметив мое недоумение.

В тот момент наши взгляды опять встретились, и мы снова загоготали здоровым мужским смехом. Вот теперь все точно встало на свои места. Писательский пафос выветрился из салона вслед за ускользающей в форточку последней струйкой не менее пафосного «Собрания», а мой «Лев Николаевич», попросив притормозить, вскоре вышел из машины, оставшись памятником на углу-лужайке Новодевичьего поля, мимо которого мы только что проехали.

День удался, миг, и мы уже мчались дальше по Крымскому в сторону Серпуховской, ехали и радовались нашей дружбе, моему маленькому, но успеху и, конечно же, незапланированной встрече. Мы действительно давно не виделись. Увы, но взрослость даже для старой и крепкой дружбы устанавливает свои стандарты и на время, и на расстояния.

Ту книгу, что я достал из пачки, подписал и подарил Сергею. Он взял, внимательно прочитал дарственную и произнес, видимо усвоенное для таких случаев на все времена, свое традиционное: «Спасибо, как-нибудь почитаю...».

Была весна... Нет, не так! Точнее не совсем так! – была одна из лучших весен в моей жизни. Я так и назвал ее тогда – писательская. И вовсе не из-за книги и не из-за вкусно-го «пегасовского» чебурека, и даже не из-за моего мимолетного присутствия в Союзе писателей, а просто так, как говорится – по ощущению. 7 сентября 2010 г.».

Все описанные выше события произойдут намного позже в жизни Травника. А пока переместимся по его личной оси времени назад, в 1982 год, когда восемнадцатилетний Игорь Алексеев, будущий Терентий Травник, пылкий и увлеченный, полный жажды деятельности делает первые шаги в воплощении своих творческих идей и проектов в жизнь.

SVETEZ'Ъ

Редакционно-издательская студия

ARTES LIBERALES - HOMO LIBER

КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ

Habent sua fata libelli

Редакционно-издательская студия «SVETEZ`Ъ»

*Когда точка превращается в линию, то
появляется возможность написать слово...
Таким образом, точки не только
заканчивают мысль,
но и начинают новую.*

Тэтэ¹

Теперь уже в далеком, 1982 году двое московских студентов Леонид Чертов и Игорь Алексеев решили создать журнал, в который смогли бы помещать интересные и оригинальные рассказы, рисунки и стихотворения однокурсников, причем без особой цензуры. Появилось и название для журнала – «Шаром покати», а на обложке первого номера красовалась эмблема – жук скарабей, толкающий в норку навозный шарик. Журнал имел явно неформальный стиль и являл собой образец классического underground советского времени. Издавать было решено вручную, т.е. все страницы рисовались, а тексты набирались на печатной машинке. Сигнальный экземпляр планировалось размножить на ксероксе. В то время подобная деятельность не поощрялась, и затея ребят носила явно небезопасный характер. Дальше первого номера

¹ Тэтэ – сокращенно Терентий Травник, так называли его друзья.

журнала дело, к сожалению, а может и к счастью, не пошло, но идея, заложенная в проект, постепенно стала набирать самостоятельную силу.

Так уж случилось, что в биографии Тэтэ присутствовало и полиграфическое училище. Старое московское училище №144, что находится и по сей день на улице Петровка. Окончив его, он получил распределение на работу в ТАСС, где какое-то время работал корректором, а позже – младшим редактором. Опыт, полученный от подобной деятельности, как позже показало время, оказался весьма востребованным на его дальнейшей литературной стезе.

В 1987 году Тэтэ вместе со своей супругой Оксаной Серебряковой создал первый издательский проект под названием «Линнельманн и К», в рамках которого занимался подготовкой к выпуску книги стихов своего школьного друга, барабанщика группы «NOE» Лестера. Постепенно идея стала приобретать реальные очертания и стала весьма захватывающей. Книгу печатала на машинке Оксана, множили на ксероксе, а Тэтэ сделал к ней несколько иллюстраций. Потом ее «одели» в коленкоровый переплет и, наконец, на обложке написали название, при том еще и тисненное золотом!!!

Это была первая книга издательства «Линнельманн и К», называлась она «Блюзотерапия», и вышла тиражом в 50 (!) экземпляров. Кстати, надо заметить, что эти книги почти мгновенно разошлись в московской *хипповой* среде. Спустя

полгода была издана, и все тем же способом, книга известного в наше время художника Игоря Неживого (Тони Фаричетти).

Постепенно название для издательства утвердилось, и Тэтэ начал издавать уже свои собственные работы. В издательстве «Линнельманн и К» вышли такие книги Тэтэ, как «Крик в Никуда», «Совсем, как взрослый», «Неопубликашки», «Белый уголь, черный снег», «Отидо», «Календарь стран», «Четверть века» и другие. В 1990 году Оксана уехала в Австрию, а вернувшись, эмигрировала в США, где и осталась на постоянное жительство. С ее отъездом деятельность в издательстве явно замедлилась. С той или иной периодичностью все же выходили некоторые сборники, общим тиражом не превысившие 200—300 экземпляров.

В 1998 году в творческой жизни Травника произошло яркое событие. Он познакомился с энергичным и креативным бизнесменом Сергеем Бенциановым. Союз двух джентльменов, да еще и творчески одаренных, сразу привел к появлению идеи по созданию интереснейшего проекта «Modusart» – Всероссийского творческого объединения художников, музыкантов и литераторов, который, надо заметить, очень быстро воплотился в действительность.

Терентий с продюсером Сергеем Бенциановым. 1999 г.

В рамках ВТО начал готовиться к изданию альманах «Кипарис» – вполне достойный сборник малоизвестных поэтов и прозаиков. Его активной подготовкой занималось общество поэтов «Апостроф», входящих в «Modusart» под руководством поэта Николки Бубенчика (Николая Борисовича Фомина). Почти в это же время известный московский дизайнер Сергей Гончар, близкий друг Травника, позже взявший себе псевдоним Сергей Дора, организовал фестиваль Моды и дизайна на базе созданного им тогда клуба «F1». Модусартовцы вошли в клубную деятельность, поскольку работа клуба подразумевала, в том числе, и проведение творческих встреч и вечеров, но еще какое-то время все же продолжали заниматься и своей собственной работой.

Поэт Николка Бубенчик (Фомин) на концерте ВТО «Modusart». 13 февраля 1999 г.

В 2000 году Т. Травнику пришла идея создать арт-бюро «Светец», которое бы занималось творческой работой на базе сотрудничества с храмами Московской области, и таким образом, продолжило бы благородную идею, заложенную обществом «Modusart». За два месяца Тэтэ создал сценарии к целому ряду весьма интересных проектов, например таких, как «Деревенские истории», «Сельчане», «Мое Подмосковье», в которые должны были войти многочисленные та-

индивидуальные случаи, собранные им в путешествиях по России. Свои странствия он регулярно совершал многие годы, преимущественно в летние месяцы, собирая рассказы местных жителей и записывая все в дневники. В этом же году Тэтэ вместе с директором арт-бюро Олегом Владимировичем Блиновым посетили село Мелихово, где наладили хорошие отношения с дирекцией музея А. П. Чехова и предложили свою творческую поддержку музею. Полным ходом шла подготовка к новым проектам в рамках достигнутых соглашений.

В 2003 году в бюро «Свинец» произошли новые качественные изменения, и жизнь в коллективе пошла по-другому. Его возглавила знаток в области полиграфии, специалист высокого уровня Марина Целыковских, до этого не один год проработавшая в издательстве «Равновесие Медиа». В беседе с Тэтэ, Марина порекомендовала ему отказаться от рабочей формы арт-бюро, а вернуться непосредственно к издательской деятельности.

Союз с Мариной Целыковских сразу дал новые позитивные результаты. Энергичная, знающая, умеющая доводить начатое до конца, Марина, ставит работу «Свинец» на совершенно новый уровень, создавая прогрессивные тенденции к перспективному росту. В этом же году Травник принимает предложение от настоятеля храма Святителя Николая Чудотворца в Бирюлево, протоиерея Виталия Тогубицкого воз-

главить работу по созданию газеты «Сад Духовный». В редакцию вошли Марина Целыковских и художница Ольга Макаренкова, а также журналистка Александра Коросташевская, работающая в Московской городской думе, а ныне в новостях «Радио России». В феврале 2005 года вышел первый номер в типографии газеты «Московская правда». Напомню, что полутора годами ранее, Тэтэ, при содействии Союза писателей России, выпустил в издательстве «Палей» свою первую книгу «О чем поведала печаль», написанную в 1996 году и выдержавшую не одно любительское переиздание. Дела идут неплохо, и г-жа Целыковских вновь вносит предложение о создании издательства, но под старым названием «Свeteц», а в написании названия предлагает поменять шрифт на латинский, оставив на конце твердый знак – «Svetezъ».

Лариса Карпова и Терентий Травник. Выход в свет «Лучины» 2005 г.

Спустя полгода редколлегия «Svetezъ» познакомилась с профессионалами высочайшего уровнями – сотрудниками издательского дома «Карпов Е. В.», и этот союз начал приносить положительные результаты. Благодаря совместной работе двух издательских групп, в свет вышла книга Т. Травника «Лучина», над которой автор работал более 14 лет, а позже, такие книги как «Встреча с Драконом» и загадочный сборник о живописи Тэтэ «Осенний минор», покрытый по сей день тайной, и ставший сегодня чуть ли не документально-публицистическим бестселлером. У издательства стали появляться заказчики. За полгода в нем создали

макеты для своих книг многие мастера слова, среди которых публицист Андрей Романов, драматург Герман Балгер, поэтесса Рая Сетдекова, Александр Хасминский, московский бард Юрий Жердев, поэтесса Маргарита Лихарева, прозаик Ольга Витебская и другие.

В данное время, под руководством г-жи Целыковских коллектив активно формирует новые профессиональные отношения, ведет взаимовыгодную работу с филиалами и типографиями, постоянно расширяя сферу услуг в книжном деле и созданию оригинал-макетов для буклетов и журналов. Надо сказать, что и по сей день издательство продолжает плодотворно сотрудничать со многими авторами, отдавая предпочтение юным дебютантам.

Елена Мартынова. 2006г.

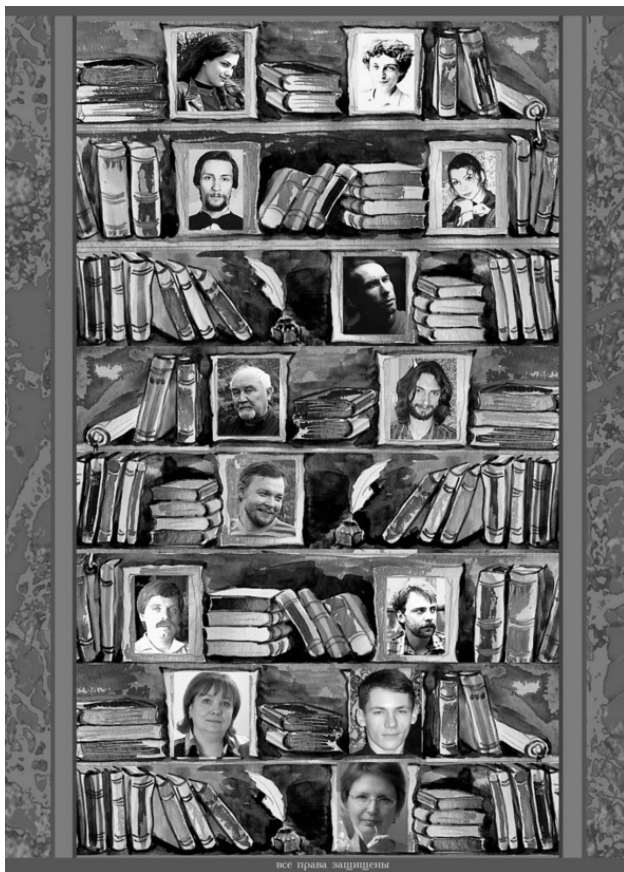

Л. Г. Алексеева, директор издательства «Свeteц» И.В.Соловьева и представитель районной Управы. 9 мая 2010 г.

В продолжение предыдущей статьи добавлю, что с 2009 года издательством руководит **Ирина Витальевна Соловьева**. Коллектив под ее руководством активно продвигает новые решения в создании оригинал-макетов для полиграфической продукции широкого профиля. В 2010 году к 10-лeтнему юбилею редакционно-издательской студии «Свeteц» вышел красочный альбом, освещающий пройденный путь и деятельность издательства за минувшее десятилетие. С тех пор при участии издательства «Свeteц», кроме отдельных авторов, было издано более пятидесяти книг Терентия Травника, включающие поэзию, публицистику, философию, книгу афоризмов и детские книги.

Качественный скачок в поэзии Терентия, переход ее на другой, более высокий уровень произошел в 2007 году.

все права защищены

Поэзия. В начале большого пути

По признанию Терентия Травника процесс стихосложения в нем запустил поэт **Владимир Исаевич Шурбаков**. Встреча с поэзией Шурбакова стала не только поворотным событием для будущего «словопроходца», но и началом новой – писательской эры в его жизни. С произведениями Владимира Исаевича Терентий встретился совершенно неожиданно, он и не думал становиться литератором, а уж тем более поэтом. Это произошло, в прямом смысле, моментально и отчасти незаметным образом, заочно. После встречи с дочерью В.И.Шурбакова Натальей Родиной, у него в руках оказались исписанные стихами Владимира Исаевича листки бумаги.

Приведенная ниже дневниковая запись Терентия, одна из тех наиредчайших факсимильных находок, которая открывает завесу неведомого, позволяя нам стать сопричастными не только к подобным встречам, но и к тайне появления в этой жизни подлинных мастеров своего дела. Вчитайтесь в каждое слово, оставленное им в дневнике, поверьте, оно того стоит. Вот что Терентий пишет о восприятии его душой поэзии Шурбакова:

«Удивительно: одно прочтение Натальей стихотворения своего отца и все сразу началось. Оказывается, всякая творческая субстанция, сосредоточенная в нашем сердце, не про-

сто горяча, но крайне легко и быстро воспламеняема. Достаточно одной выразительной „спички“, зажженной о произведение подлинного мастера, чтобы моментально вспыхнуло. Будучи у меня в гостях, Наташе удалось подарить мне это чудо, эту необыкновенную радость возжжения негасимого пламени поэтического слова. Всего лишь одно, случайное исполнение стихотворения Владимира Исаевича в правильном месте и в нужное время, и каких-то несколько, даже не листов, а клочочков его рукописи, сумели не просто встряхнуть мою душу и перевернуть все ее содержимое, но и выложить в новом, теперь уже верном порядке. Вроде и не первый год пишу песни, и читаю стихи с юности, но ничего подобного со мной не происходило, а тут, раз – и все. Я как-то сразу понял, что услышанное мною – это мое, причем не формально и не по случаю, а с рождения и до самого конца, до самого, что называется, дна, до неисчерпаемой глубины собственного сердца. Понял, что я не только хочу, но и смогу этим заниматься, и у меня получится не абы как, а непременно хорошо. В услышанном я узрел не только стихотворение, а саму поэзию, услышал одномоментно, услышал по-особенному, не так, как это было раньше, а во всей, доселе мне неведомой, полноте звучания, услышал не отдельными нотами, а единым, полноаккордным и полным самой жизнью произведением. Это было счастье! Оно звучало, но так, как если бы я находился равноудаленно от всех возможных его источников, а это значит, что находился бы в нем самом. С первых

слов я попал внутрь поэзии, став сопричастным к ее возникновению. Тогда я не просто слышал слово, а на мгновение стал им самим. Стал тем зерном, откуда впоследствии произрастает всякий поэт, становясь одушевленным образом поэтического древа. Это случилось в мае 2007 года, а в октябре следующего я уже нес в издательство рукопись своей первой книги стихов с немудреным названием „Стихи“ – „томик стихов“, как его называли мои друзья».

Позже Терентий создаст на своем литературном сайте «SVETEZ`» страницу, где опубликует несколько стихов Владимира Шурбакова и скан одного из тех самых листочков, с записанным рукой автора стихотворением. Так Владимир Исаевич высек своими виршами подлинные поэтические искры в душе Травника.

В 2007 году Терентий настолько вдохновился строками Шурбакова, его неизбитым слогом, что ему захотелось создать свой стих в подобном стиле. И первое стихотворение «Сегодня в поле я ходил не ради дела...», родившееся от услышанного и продолженное Травником уже в собственной манере, молодой поэт запомнил на всю жизнь. Оно стало паролем для входа в мир литературы, точкой отсчета нового периода в жизни Терентия. 4 июля 2007 года в поле, недалеко от его любимого «именьища» Жамочкино, он осознанно вступил на путь большой поэзии.

Здесь я ненадолго прерву повествование и расскажу о неведомом тогда для Терентия поэте, чьи стихи, оказали

такое сильное влияние на его душу – о Шурбакове Владимире Исаевиче.

Жизнь и судьба этого неординарного человека удивительна и прекрасна. Несмотря на тяжелое военное и послевоенное детство в детдоме, которое пронзительно описано в его лирике, обычный паренек из ремесленного училища в Люберцах, никогда не унывал, не опускал рук. Наоборот, активно занимался спортом, а душа, ранимая и чистая, звала к высокому слогу, и он начал писать стихи.

Повзрослев, мастер спорта СССР по классической борьбе, выпускник люберецкого ремесленного училища №10 Владимир Шурбаков учился в нескольких московских вузах, в том числе и в Литературном институте имени Горького – у знаменитого поэта-песенника СССР Льва Ивановича Ошанина (1912—1996)².

В силу сложившихся обстоятельств, закончить Владимир Литинститут так и не удалось, но Лев Ошанин успел благословить будущего поэта на благие дела. И его пожелания претворились в жизнь.

«Воспитывался я в детском доме, куда попал, разумеется, не по своей воле, – рассказывает о своей жизни поэт³. –

² Л.И.Ошанин – автор более 70 поэтических сборников, стихотворных повестей и пьес, лауреат Сталинской премии первой степени (1950), а также лауреат Всемирных фестивалей молодежи и студентов.

³ Из статьи Богдана Колесникова «Увлечение на всю жизнь». Размещена в газете «Люберецкая газета» по случаю 75-летнего юбилея Владимира Исаевича Шурбакова 27 сентября 2015 года.

Мать моя погибла в 1945 году. Отец участвовал в Великой Отечественной войне, но после тяжелого ранения на фронте, ему не раз приходилось восстанавливать свое здоровье в госпиталях. Так, в «один прекрасный день», он познакомился с девушкой лет на 25 его моложе, и они поженились.

Поэт Владимир Исаевич Шурбаков

А когда отец в очередной раз попал в больницу, она отдала меня в детдом. Здесь я уже с шести лет стал интересоваться поэзией, хотя грамоте еще был не обучен. Но мне повезло, что рядом с нашим детским домом в Сытькове, что в Руз-

ском районе, стояла деревня Брыньково, где жил писатель Федор Георгиевич Каманин. Он часто приходил к нам в гости, читал свои рассказы. Однажды я прочел ему свое творение и «дядя Федя», погладив меня по голове, сказал: «Молодец, что начал писать стихи. Но чтобы они были хорошими, надо много учиться и больше читать художественную литературу. Я верю, что ты будешь писать». Потом Федор Георгиевич меня познакомил с Пришвиным. Его «Кладовую солнца» все ребята, конечно, знали. Они меня даже на рыбалку брали с собой. Хорошо помню, когда «Михал Михалычу» встречались живописные места, он брал блокнотик и что-то записывал. Очевидно, так и рождались его потрясающие рассказы о природе. Не упустив своего шанса, я прочел «дяде Пришвину» свой неоконченный рассказик о потерявшемся утенке... «Продолжай писать», – сказал писатель. Вероятно, общение с ранних лет с такими мастерами слова и повлияло на выбор моего увлечения на всю жизнь».

Добавлю еще, что сегодня Владимир Исаевич член Союза композиторов и поэтов России, автор гимна Томилино и города Люберцы. Всю свою жизнь отдал любимому предприятию НПП «Звезда», где достиг высочайшего уровня мастерства в изготовлении ложементов для амортизационных кресел космонавтов, так необходимых в космической отрасли, за что удостоился народного звания от космонавтов и земляков «Микеланджело из Томилино».

В своем дневнике от 14 октября 2011 года Терентий за-

писал:

«Личной встречи с Владимиром Исаевичем у меня пока не было, но мы не один год поддерживаем телефонное общение. Его, с легкой хрипотцой и одновременной бархатистостью, голос звучит какой-то теплотой и сердечностью. Я читаю ему по телефону свои стихи, а он мне свои. Мы обсуждали строки, строфы, рифмы. Он высоко ценит мою поэзию, говоря, что в ней он видит продолжение себя, и радуется, как ребенок всякому словесному штриху и рифмической загогулинке. Бескорыстное служение музам угадывается в каждом его отклике. Он слушает, иногда радостно восклицает что-то, а потом просит моего разрешения почитать что-то из своего. Обычно он читал ровно, без выражения, немного сбивчиво, но даже в таком, взволнованном чтении мэтра, мною легко угадывалось все, что так давно я мечтал найти в поэзии и сегодня нашел в его строфах. Помню, мне хотелось попросить читать помедленнее, но его невозможно было остановить, настолько самозабвенно он играл на сцене собственного литературного театра. И тогда я просто ловил интонации, не вникая глубоко в суть процесса, жил красотой его личности и всей совокупностью неведомых мне мудрых сил мастера поэтического слова».

Конечно, Терентий Травник и до встречи с поэзией В.И.Шурбакова активно занимался литературной деятельностью. При работе с архивами семьи мною было обнаружено около сорока изданных самиздатовскими методами книг

Терентия, начиная с 1987 года!

В Приложении №2 представлен полный Список книг, поэтических сборников, литературных работ и аналитических статей Т. Травника с 1987 по 2017 гг. Он писал афоризмы и стихотворные тексты к музыкальным композициям для своей рок-группы, и даже создал первую книгу своих ранних стихов «Крик в никуда» – тиражом 2 (два!) экземпляра. Говорю – создал, потому что книга, в прямом смысле, была сделана его руками, начиная от сшивания листов и заканчивая собственноручным изготовлением твердого переплета, причем с золотым тиснением. Стихи напечатаны на пишущей машинке «Славутич», по словам Терентия недорого купленной специально для этого в комиссионном магазине⁴. В книгу вошли 42 стихотворения, написанные им в 1981—1987 годах. Вообще-то она была задумана Терентием, как подарок на День рождения своему другу и товарищу Леониду Чертову, и второй экземпляр книги, составленный из листов, напечатанных под копирку, был лично подписан Леонидом Терентию со словами благодарности, который и хранится в архиве поэта.

В первый, официально изданный поэтический сборник «Сушкин дом на Мухиной горе» (2007), вошли тексты пе-

⁴ Комиссионные магазины, или в простонародье «комки, комиссионки» были настоящими оазисами в стране тотального дефицита промышленных товаров, которые не входили в перечень товаров первой необходимости, именно там, хоть и втридорога, можно было купить необходимую вещь, которую в обычных магазинах было «не достать».

сен и стихи, запоминающиеся своим необычным взглядом на жизнь и глубокими фразами, в которых заключена бездна смысла, будоражащего душу. «Кто знает, что там – тому не нужно, что здесь», «Слезы отдавших – для жажды грядущих» – эти строки из стихотворения «Бессонные ночи...» западают в сердце и долго не отпускают.

Существует расхожее мнение, что стихи-песни не требуют совершенства поэтической формы и точности рифмы, что в песне главное – мелодия и ритм. Действительно, стихи и музыка в песне органично дополняют друг друга, сглаживая неточности рифмы стиха. По мнению Терентия, процесс рождения песни многоступенчатый: чаще, рождение песни – это импровизация, когда сначала рождается мелодия – музыкальная фраза, задающая ей ритм и движение, а дальше – в тон мелодии рождается поэтическая строка, так называемая «молниеносная строка», которая подхватывает музыкальный ритм и развивает дальше движение мелодии песни. И все же, песни и стихи – это несколько разные виды творчества, далеко не каждый стих может стать песней, а вот хорошая песня – это всегда стихи.

По признанию Терентия, если бы его в то время кто-то назвал поэтом, он скорее всего, никак не отреагировал бы на это, потому что просто не думал и не чувствовал в себе эту потребность удержать и продолжить пришедшую из ниоткуда поэтическую строку. Он целиком и полностью отдавался живописи и музыке, созданию бардовских песен,

его увлекала композиторская деятельность, а стихосложение еще не стало его «всепоглощающей стихией».

Стремительный процесс рождения поэта Терентия Травника происходил на моих глазах. Я хорошо помню свое чувство ошеломления от первых его стихов, от которых в буквальном смысле у меня захватывало дух: «Я воспеваю право тех, Кто вяло следует к закату дней своих земных, Кто духом пал, В ком сердце ослабело...». Он присылал стихи по телефону, набирая их латиницей, и в день я получала по несколько стихотворений. Терентий творил и днем, и ночью, стихи были на разные темы, но неизменным было одно – простота и глубина его поэтического слога, доверительная интонация строки. Казалось, что процессом стихосложения Травник буквально упивался, ему нравился этот поэтический поток, лавиной обрушившийся на него. В одном из своих писем в феврале 2008 года он сообщил: «Этой ночью я написал 84 (восемьдесят четыре!) стиха – больших, малых, коротких и полурифмованных, но все-таки стиха. Они просто пели в моем сердце, и я еле-еле успевал их записывать. О, Музы этих строк, я с вами соприкоснулся в час ночной...».

«Более потрясающего состояния, связанного с творчеством, чем то, что я испытал от тех первых поэтических месяцев, я не испытывал ни разу, – запишет Терентий в своем дневнике. – Да, в живописи, но в ней нужно время для написания... В музыке? Но здесь должны быть условия звучания, да и студия необходима. А тут! Я был в ту пору на своей

даче в Жамочкино. Помню, как я с утра и до вечера ходил и бубнил то слова, то строки в ритме и рифме. Потом садился на велосипед и мчался к своему другу, художнице Ольге Хаустовой, которая жила недалеко, на соседней улице и читал, читал и читал ей свои новые стихи.

Ольга... Сколько замечательных лет нас объединяет с этим чудесным человеком. А началось все с той далекой поры развития горбачевской перестройки, когда в Дом пионеров, где я работал художником-оформителем, как-то раз пришла устраиваться на работу молодая, эффектная женщина с копной медноогненных волос. Веселая, талантливая, дружелюбная, активная, она сразу влилась в наш коллектив художников и заняла в нем едва ли не одно из первых мест. Надо сказать, что в то время я испытывал серьезные переживания по поводу расплзающейся по всем швам своей личной жизни, и Ольга, помню, как никто другой, меня поддерживала. Не было ни дня, чтобы мы не виделись и не общались. Обладающая острым умом, юмором, тонкой иронией Ольга, безусловно, была хороша и как слушатель, и как советчик.

Ольга Хаустова. ЦВР "Ясенево". 1991 г.

В «Домике», как мы называли наш Дом пионеров, она вела кружок по декоративно-прикладной росписи, но многое в ее поведении говорило о ней еще и как о талантливой артистке. Надо сказать, что в этом я не ошибся. По случаю мне удалось узнать, что Ольга не один год занималась в театральной студии, которой руководил Борис Петрович Борисов, и даже сыграла одну из главных ролей в спектакле «Безумный день» – роль жены профессора Дудкина, которого, кстати, играл мой товарищ Илья Сергеев (Мастер). Однажды они случайно встретились в моей художественной мастерской на втором этаже Дома пионеров, куда Илья иногда заходил, а Ольга забегала в пересменках между занятиями групп. Как говорится, тесен мир, и с этим не поспоришь.

Проводя лето на даче, я узнал еще больше замечательного о ней. Ольга оказалось знатоком приусадебного дела, хоро-

шей хозяйкой, ко всему еще и тонким ценителем поэтического слова.

Тогда, читая ей стихи, я не очень осознавал, какая должна быть оценка, но прислушиваясь и к себе, и к ее замечаниям, я понимал, что Ольга права. Судя по всему, ей многое нравилось. Да и не тот Оля человек, чтобы притворяться.

Живя подолгу на даче, я каждый раз просыпался и засыпал со стихами и так день за днем. Рифмы лились, и я тонул в этом, но не мог, да и не хотел отрываться от необыкновенного водопада чувств, от этого потока творчества.

Терентий за работой в своем кабинете в имение Жамочкино. 2007 г. Фото Татьяны Кудиновой.

Стихи меня несли по стремнинам желаний и ощущений.

Тогда впервые я задумался, а откуда оно, откуда это нетерпение. Всякий раз мне будто кто-то подшептывал и направлял мое сердце двигаться в ритме и рифме, подкидывая все новые идеи и образы. А идей было бесконечно много. Писалось все с налету, безо всякой редакции. Сейчас мне видна вся эта «чудесная» неспелость первого поэтического лета, но в тот год меня несло, и я по-ребячески отдавался потоку нахлынувшей на меня свободы слова. В ту пору и открылись все мои последующие взгляды, мои чаяния и стремления. И как бы ни была наивна моя первая книга стихов, но тот факт, что она содержит весь набор моих поэтических хромосом, не подлежит никакому сомнению. Все последующее росло и писалось из нее, вплоть до основных тем моих литературных пристрастий: философии, религиозно-нравственного понимания жизни, любви к Родине и детской поэзии».

Терентий старался и торопился записывать все строки, которые приходили к нему и позже оформлялись в полноценные стихи, зная, что если он их не зафиксирует, они канут в небытие. Самым удобным способом для этого был мобильный телефон, в который он сразу и набирал пришедшее к нему стихотворение. Набирал быстро и, как я уже писала, латиницей, чтобы больше влезло в одну смс. Рассылал такие стихо-эсэмэски он всем своим знакомым. В сентябре 2007 года начинающий поэт отразил этот факт в стихотворении «Мы живем с тобой в «ЭСЭМЭСЭРе...», на-

звав этот удивительный период в жизни «эрой смс». Терентий с шуткой отзывался об этом способе написания и распространения стихов: «Раньше, во времена Пушкина, – рассуждал он, – стихи писали в альбомах и дневниках, потом Маяковский и Есенин могли записывать свои стихи на салфетках в ресторане, а я записываю свои стихи на жидкокристаллическом дисплее телефона. Стихи оказались устойчивее бытия, они по-прежнему остаются стихами».

По признанию Терентия, в его записной книжке было до тысячи телефонных контактов и имен, знакомых и друзей, с которыми он поддерживал отношения и общение. Мне довелось видеть этот разбухший органайзер, мелко исписанный телефонными номерами.

Постепенно, теперь уже в моем телефоне, собирались сотни его стихов. Особенно мною ценились те моменты, когда я переносила их из телефона в компьютер. Стихотворение при этом преображалось, а я будто заново открывала его для себя. Действительно, оно приобретало новые оттенки и акценты, заставляя мою душу трепетать, пробуждая радость или скорбь своими строками. Позже у нас сложилась своеобразная традиция, которая была необходима и ему, и мне. После того, как набранные стихи отправлялись Терентию, он перезванивал и читал мне их по телефону, а я следила глазами за текстом, при этом сразу выявлялись ошибки или неточности, допущенные в моем прочтении латиницы, а это, порой, влияло самым существенным образом на смысл и преобра-

жение стиха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.